

с высочайшими полномочиями». В парламенте же он выступает на равных со всеми позициях⁹¹.

Признание за парламентом функции высшего судебного учреждения в русле всей английской правовой традиции означало согласие с его возможностью создавать новые юридические прецеденты, трактовать старые правовые реалии. Придание этой компетенции парламента черт некой всеобщей, всегосударственной масштабности (согласно определению Хёрла) приближало индипендентскую мысль к утверждению об исключительной законодательной функции парламента. Признание за королевской властью широких полномочий в низших судебных органах и магистратах отводило ей функции высшей исполнительной инстанции. Взятые в совокупности, они составляли благоприятную основу для последующей пропаганды идей конституционной монархии в том классическом английском образце, который и будет восстановлен в Англии в период Славной революции.

И. Г. РЕБЕЩЕНКОВА

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ АНТИЧНОГО И КАНТОВСКОГО ПОНИМАНИЯ ПОЗНАНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Х. ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

Как философия в целом, так и ее теоретико-познавательная часть на каждом историческом этапе своего существования обуславливаются сложным комплексом причин и факторов. В этом комплексе немаловажное место занимают *экзистенциальные* факторы. Их влияние на формирование различных модификаций осмысления человеческого познания исследовано недостаточно.

В данном случае ставится задача предпринять сравнительный анализ античного (в том числе платоновского) и кантовского подходов к познанию с точки зрения их обусловленности тем, что в современной философии принято называть *экзистенцией*. Другими словами, особенности указанных подходов будут рассмотрены с помощью понятий и приемов экзистенциального анализа. Заметим сразу, что эти понятия и приемы не будут изобретаться, а будут заимствованы из опыта философствования представителей соответствующего философского

⁹¹ *Hearle C. An Answer...* P. 84, 86.

© И. Г. Ребещенкова, 2002

направления. В частности, в этой связи привлекают внимание работы Х. Ортеги-и-Гассета¹.

Приступая к решению поставленной задачи, сформулируем исходные посылки. *Первая посылка* — это признание того, что философские воззрения на познание любого мыслителя испытывают на себе влияние человеческой жизни, как индивидуальной, так и коллективной. На них влияют уклад жизни самого философа и традиции той социокультурной среды, в которой он формировался и жил.

Разум в любой форме его проявления, в том числе и в саморефлексии, — это всегда производное от жизни человека. Эту мысль Х. Ортега-и-Гассет неоднократно выражал в разных формулировках. Например, разум для него — «лишь небольшой островок в море первичной жизненности», «только одна форма и функция жизни». Такое понимание отношения разума (познания) и жизни связано с формированием нового отношения к самой жизни, которая длительное время считалась ничтожным фактором, космической случайностью. Это приводило, как правило, к игнорированию ее влияния на философию, на становление теоретико-познавательных концепций в том числе. Новое отношение к жизни, по мнению испанского философа, выражается в ее своеобразном освящении, заключающемся в возведении ее в принцип, способный упорядочить весь круг предметов.

Вторая посылка — это признание существования отличий исторических форм жизни и исторических типов людей, причем более глубоких, чем это обычно принято считать. По сути, признание этого содержится в следующем рассуждении Х. Ортеги-и-Гассета: «Когда я вижу в широкой исторической перспективе возвышающиеся друг против друга и противоречащие по своим контурам античную и средневековую философию и современную философию, то они кажутся двумя необычайными выражениями двух противоположных типов людей»².

Третья посылка — это признание существования принципиальных отличий познавательной деятельности людей разных исторических эпох, их мироощущений и миропониманий.

Исходя из перечисленных посылок, рассмотрим в первую очередь особенности жизни человека античного мира — «южного человека» (Х. Ортега-и-Гассет), жителя Средиземноморья, которые детермини-

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* 1) Тема нашего времени // Х. Ортега-и-Гассет. Что такое философия? М., 1991. С. 3–50; 2) Что такое философия? // Там же. С. 51–191; 3) Возникновение философии // Там же. С. 210–289; 4) Идея начала у Лейбница и эволюция дедуктивной теории // Там же. С. 290–335; 5) Кант (1724–1794). Размышления по поводу двухсотлетия // Феномен человека / Сост., вступит. ст. П. С. Гуревича. М., 1993. С. 221–240.

² *Ортега-и-Гассет Х.* Кант (1724–1794). Размышления по поводу двухсотлетия. С. 227.

ровали господствовавшие в Древнем мире философские взгляды на познание, в том числе и взгляды Платона. Одновременно раскроем специфику этих взглядов.

Характерным является то, что для античного философствования проблема познания не была первостепенной. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, древний мыслитель, как и любой человек античного мира, без всяких колебаний начинал с погони за реальностью. Можно представить, что для него было бы непонятно беспокойство, лежащее в начале и в основе стремлений души человека современного типа, вопрошающего вновь и вновь о том, возможна ли истина, возможно ли самопознание. Судя по сочинениям Платона, он не испытывал никакой потребности в вопрошаниях такого рода. Он не подвергал сомнению способность человека познать истину. Эта способность не была для него проблематичной. Проблематичной в то время представлялась Вселенная. Далее, следствием уверенности в способности достичь истины было то, что проблематичной оказалась не возможность ее постижения, а возможность возникновения заблуждений и ошибок.

То обстоятельство, что Платон часто и «мучительно» задавался вопросом о том, что такое познание, в той же форме, в какой ставят его современные философы, еще не означает тождественности этих вопросов по существу и по их истокам. Платон не сомневался в возможности достижения истины, стремился главным образом обосновать ее путем обнаружения мира совершенных и нормативных объектов. Только обнаружение такого мира позволило бы судить и о совершенстве человеческого познания. Чувственный мир, непостоянный и относительный, не содержит искомым объектов и, следовательно, допускает неточное и неустойчивое познание. Для Платона оказалось необходимым признание неизменных идей как объектов устойчивого и строгого познания, которые в своей совокупности и дают образец знания.

Итак, Платон видел начало проблемы познания не в сомнении, как это делали последующие философы, а в *способности субъекта к познанию*. В этом утверждении Х. Ортега-и-Гассет суммировал теоретико-познавательные воззрения Платона, а тем самым и всей античной философии³.

Теперь предстоит выявить обстоятельства индивидуальной и массовой жизни античных людей, определившие постановку проблемы познания именно в такой, а не в критической или какой-либо иной форме.

Во-первых, что люди античного мира строили свою повседневную

³Там же. С. 225.

жизнь на основе веры во внешний мир, во Вселенную, которая представлялась им как космос. Космос как упорядоченный мир сам по себе выступал в качестве гарантии прочности и стабильности жизни и познания.

Во-вторых, ощущение надежности и прочности формировалось в социальной среде и наиболее распространенным образом жизни. Что касается социальной среды, то ее центром, по мнению испанского философа, был военный человек. Следовательно, преобладающим образом жизни и деятельности, определявшим стиль всего человеческого существования, философствования в том числе, был военный стиль жизни.

В-третьих, жизнь и воззрения на мир и познание, присущие античным людям, определялись их явно выраженной социальностью. Так, «южный человек», проснувшись, видит себя прежде всего на общественной площади. Его первые ежедневные впечатления, таким образом, носят исконно социальный характер. Эта социальность, в частности, проявляется в том, что прежде чем человек сталкивается со своим «Я», он сталкивается со своим окружением — с природой и с другими людьми. «Ты», «он» — вот первичная реальность «южного человека», которая не допускает для него подлинного одиночества. То, что человек по своей природе — человек агоры⁴, означает, что он никогда не ощущал одиночества. Если оно и существовало, то только как нечто искусственное и непрочное. Оно могло возникать не естественным путем, а как следствие специальных, неестественных действий и даже борьбы. Для римлянина или для грека одиночество или изгнание было одним из высших наказаний, ибо то, чем они жили, — это созерцание «ты».

Образ жизни античного человека Средиземноморья определял то, что он стремился развивать свою философию во внешнем мире — в мире совокупных экзистенций окружающих вещей и других людей. «Я» — это нечто вторичное, являющееся для него обременительным. Начало существования ощущается в форме внешней, чужой экзистенции. Именно взаимосвязь, переплетение с многочисленными иными экзистенциями не допускают подлинного одиночества «Я».

Приведенные рассуждения завершаются утверждением о том, что философская проблема заключается в проникновении «Я» в себя самого — во вторичную реальность — из внешней, первичной реальности. Проблема состоит в достижении понимания того, что такое «Я». Отталкиваясь от первично постигнутого внешнего мира, античный «южный» человек обращается к внутреннему миру, внося в него нормы, «точки отсчета», заимствованные из первоначальных наблюдений

⁴Там же. С. 229.

за внешними экзистенциями. При этом отсутствует саморефлексия в строгом смысле слова, ибо мышление, наблюдаемое греком, не знает, что оно мыслит.

Отсутствие проблематичности познания в античной философии в кантовском и современном смыслах не означает, как известно, полного отсутствия в ней скептицизма. Античный (классический) скептицизм, как утверждал Х. Ортега-и-Гассет, родился в Греции в эпоху расцвета ее интеллекта. Он отличается от более поздних форм скептицизма и даже противоположен им. Эта противоположность заключается в том, что греческий скептик не начинал с сомнения. Для него сомнение не было исходным этапом философствования. Наоборот, оно было его результатом. Он обретал его в конце длительного пути размышлений о мире. У современных мыслителей, напротив, сомнение (начиная еще с Р. Декарта) выступает в роли отправного пункта и донаучного мироощущения.

Классический скептицизм, будучи смутным, неотчетливым предвосхищением современной духовной атмосферы, не был органичным явлением в философии Древнего мира. Х. Ортега-и-Гассет говорил о том, что на него смотрели с ужасом, как на особый зоологический вид. Скептиками тогда называли неких ужасных людей, которые отрицали возможность достижения истины — основной и исконной мечты человечества⁵. Но почему в рассуждениях об античных скептиках присутствует слово «ужас»? Ужас, который приносили скептики в спокойную устойчивую жизнь, заключался в том, что, сначала лишившись веры сами, они лишали веры в то, что представлялось незыблемым, и окружающих им людей. Трагедия античности, таким образом, заключалась именно в утрате типичного для древнего грека спокойствия под влиянием сомневающих людей. Скептик в то время — это «исследователь», «изыскатель», «неутомимый», «сверхактивный» человек. Быть сомневающимся в античное время — значит быть героическим. Скепсис — двойственность человека, его осмотрительность, подозрительность в жизни относительно внешнего мира, других людей, недоверие — все это не было характерно для экзистенции «Я» древнего человека.

Таким образом, отмеченные особенности социальной и индивидуальной жизни людей в античное время накладывали свой отпечаток на их философствование в целом, на теоретико-познавательные взгляды, на понимание проблемы познания. Проблема не заключалась в непосредственном обосновании истинности познания, ибо возможность истины не отрицалась и не подвергалась сомнению. Проблема виделась в установлении того, как возможно заблуждение. В данном

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Возникновение философии. С. 216.

случае было важно не простое воспроизведение хорошо известных теоретико-познавательных идей античного периода, а определение причин и истоков их возникновения и распространения. В качестве истоков в данном случае признаются некоторые особенности существования индивидов и общества: неординарное место военной деятельности, война, военного стиля жизни в античном мире и как следствие — ощущение устойчивости, далее — изначальная социальность человека, его обращенность во внешний (природный и человеческий) мир.

Особенности античного отношения к познанию, познавательным явлениям и их экзистенциальная детерминированность могут быть лучше поняты после установления специфики современного подхода к познанию и его обусловленности. В этой связи рассмотрим наиболее влиятельное на протяжении последних двух столетий *кантовское понимание* теоретико-познавательных проблем.

В отличие от античных философов И. Кант не спрашивал о том, что такое реальность, каковы вещи, составляющие внешний мир. Наоборот, он задавал вопрос, как *можно познать* реальность, вещи, мир. Он довел, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, бесстрастность к Вселенной до чрезвычайной формы⁶. Это было сделано, как известно, путем изъятия из философии онтологических проблем и сведения ее главным образом к гносеологии.

Эту ситуацию, которая действительно имела место в истории философии, испанский философ считал порождением одного семени — страха перед ошибками и страха быть обманутым. Страх такого рода, по его мнению, стал основой души современного человека. Желание знать и желание не ошибаться — это две существенные интенции человека. Дело заключается в их пропорции, в их соотношении между собой. Что над чем преобладает в характере человека? Этот вопрос для экзистенциалиста оказывается настолько важным, что от ответа на него даже зависит исторический тип человека. Иначе говоря, в одном случае человек оптимистично начинает поиск истины, не сомневаясь в своей способности обрести ее. В другом — из-за боязни впасть в заблуждение человек осторожно приступает к изучению, предварительно исследовав правомерность и законность собственной познавательной способности. Сформулируем, опираясь на рассуждения Х. Ортеги-и-Гассета, эту познавательную ситуацию в самой гносеологии. Чтобы познать что-либо, прежде всего нужно быть уверенным, возможно ли познание и в каком виде⁷.

Итак, теперь следует констатировать, что современному человеку

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Кант (1724–1794). Размышления по поводу двухсотлетия. С. 224.

⁷ Там же.

присущи колебание, нерешительность, сомнение. Это распространенное, знакомое и обычное состояние его духа, составляющее психический фон для всех иных проявлений его личности. Такое состояние формируется уже во времена Р. Декарта и доводится до своего концентрированного выражения И. Кантом. Философия фокусируется в методе, а метод фокусируется в сомнении, критике. И тогда испанский философ задает вопрос: может быть, действительно основное свойство мышления современного типа — интеллектуальная защита — предотвращение заблуждений и ошибок?

Вопрос, который нас здесь интересует, заключается в особенностях познавательного отношения человека к миру и самому познанию, в том числе как таковым, в их экзистенциальных истоках и причинах.

Существенным оказывается то, что если в Греции, Риме, в ранней Европе центром общества был военный человек, то начиная с эпохи Возрождения таким центром становится буржуа, постепенно вытесняющий воина. Это новый тип человека, психология которого пропитана неверием, подозрительностью, осторожностью, осмотрительностью. Все вместе, переплавленные во внутреннем мире человека, они порождали скептицизм нового, отличного от античного, типа.

Таким образом, теоретико-познавательный скептицизм, скептицизм как фундамент гносеологии в Новое время, — это продукт новой экзистенциальной ситуации, порожденной новыми видами деятельности и соответствующими им типами людей. Х. Ортега-и-Гассет обратил внимание на следующий историко-философский факт: И. Кант, выстраивая свою гносеологическую доктрину в «Критике чистого разума», не случайно отталкивался от философии английских мыслителей, в частности от скептицизма Д. Юма. Действительно, взгляды последнего сформировались в стране, которая первой в Европе пришла к высшим формам капитализма. Дело Д. Юма, в философской форме отразившего экзистенциальную обстановку континента в Новое время, завершил И. Кант. Ортега-и-Гассет резюмировал такое объяснение возникновения кантовского понимания познания в следующей форме: «В кантовском критицизме мы наблюдаем гигантскую проекцию буржуазной души, правящей со все растущей исключительностью судьбами Европы, начиная с этапа Возрождения. Этапы капитализма, взятые все вместе, были стадиями эволюции критицизма»⁸.

Однако экзистенциальный поиск истоков теоретико-познавательных взглядов И. Канта только в социальной сфере был бы неполным, если не попытаться обнаружить их зависимость от особенностей исторического типа людей как творцов и носителей этих взглядов.

Историческая типология людей — это достаточно сложная проце-

⁸Там же. С. 227.

дура, в ходе которой необходимо установить все многообразие определяющих их характеристик. В данном случае все многообразие установить невозможно, и это — предмет самостоятельных исследований. Выявим лишь некоторые особенности европейца современного типа, не совпадающие с особенностями античного человека.

Х. Ортега-и-Гассет видит специфику современного человека в том, что он прежде всего западноевропейец, что равносильно утверждению о том, что он более или менее германизирован. Таким образом, устанавливаются как бы две характеристики одновременно — региональная (западноевропейец) и этническая (германец). Причем последняя характеристика приобретает в Европе расплывчатые черты: в Южной Европе немец вбирает в себя черты людей Средиземноморья, во Франции находится под влиянием кельтов. Возможно, это обстоятельство объясняет существование скептицизма в Англии, во Франции и в Германии.

Кроме этнического компонента можно расширить региональную специфику исторического типа человека за счет использованного выше понятия «южный человек». Это понятие в системе взглядов Х. Ортеги-и-Гассета охватывало не только людей античного Средиземноморья (древнего грека и римлянина), но и жителя Испании, а значит, и самого философа. Это важно отметить потому, что предпринимаемое здесь рассмотрение, во многих отношениях основывающееся на логике испанского философа, может оказаться продуктивным благодаря идеям, порожденным психологией «южного человека» современного типа.

Возвращаясь к экзистенциально-психологическим основам кантовского критицизма, необходимо отметить следующее. В отличие от «южного человека» у немца внимание направлено не на внешний мир, а на внутренний мир индивида. Иначе говоря, он видит мир не непосредственно, а через призму собственного «Я», превращая тем самым его в «факт сознания», в чувственный образ или в идею. Внешняя реальность предстает перед ним как нечто, чуждое «Я», как неотчетливый резонанс, как эхо в его внутреннем мире. Единственная подлинная реальность для немца — это «Я сам». Данное обстоятельство обуславливает специфику экзистенциальной ситуации, в которой находится познающий. «Заточенность» человека внутри самого себя, внутри собственного внутреннего мира приводит к тому, что ему сложно выйти за его пределы, наладить контакт с внешним миром. Трагедию, порождаемую необходимостью этого контакта, почувствовал и констатировал Х. Ортега-и-Гассет. Попытка выйти во внешний мир, постигнуть транссубъективное бытие, понять окружающий мир вещей и людей после пребывания в субъективной сфере становится

трагедией⁹. Преодолевая эту трагичность, выходя к самой реальности, нельзя считать, что при этом устанавливается истинный контакт с ней. Это всегда непрочная связь, искусственное умственное построение. Это всегда результат претензии «Я», его интеллекта, его субъективности воплотиться во Вселенной, оставить на ней свой отпечаток. По мнению испанского философа, «Критика чистого разума» как раз и показывает эту трагедию — великую борьбу одинокого «Я» за союз с другими «Я», за контакт с внешним миром. Такой контакт становится возможным лишь путем построения мира внутри собственного «Я», внутри субъективности, максимально приближенного к ней. После конструирования этого мира начинается его постижение. Х. Ортега-и-Гассет говорил о том, что для немца знать себя самого важнее знания внешнего мира. Для него объект познания — это родная стихия, субъективное бытие как бытие, знающее себя самого и познающее себя самого. Ничто ему не известно лучше, чем собственная внутренняя реальность, которую он переносит на рядом находящегося субъекта, тем самым превращая последнего в другое свое «Я».

И. Кант завершает идущую от Лейбница традицию трактовать собственное «Я» в виде монады, превращать его в центр и периферию всей реальности. Рефлексивность (точнее, саморефлексивность) лейбнищевской монады, ее спонтанность, превращенная Кантом из скрытой традиции в основу Вселенной, означает демонстрацию сущности скрытого механизма немецкой души.

Указанные особенности кантовского типа философствования по поводу человеческого познания, концентрирующиеся в чувстве космического страха перед внешним миром, привели к превращению философии из преимущественно онтологического анализа в гносеологический и культурологический.

«Атлетическая сила рефлексии», которой наделен немецкий философ, ведет к пересмотру понимания познания. Оно перестает быть пассивным отражением действительности и превращается в творческий процесс. Из созерцательного разум превращается в созидательный. Он превращается в диктатора, устанавливающего и даже навязывающего волевым усилием законы собственного функционирования Вселенной. И тогда меняется не только понимание познания, познавательных феноменов, изменяется сущность гносеологии, понимание сути самой философии. Если античная философия занималась приспособлением созерцателя к Вселенной, то кантовская философия становится обоснованием ее динамичного реформирования по волюнтаристским законам Разума. Реальность предстает в виде объекта жизненного порыва, объекта воления и желания. Такую философию

⁹Там же. С. 230.

экзистенциалист назвал философией викинга. Она не созерцание, а предпринимательство, подвиг, труд. И это соответствует экзистенции западноевропейского человека современного типа.

Е. И. ЧУБУКОВА

ПРОБЛЕМЫ ПЛАТОНИЗМА В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЁЗА

Творчество Платона вызывает неутихающие дискуссии на протяжении всей истории философской мысли. Не ослабевает интерес к нему и в современной западной философии, о чем свидетельствует обращение к наследию древнегреческого мыслителя таких выдающихся философов XX столетия, как Г. Гадамер, М. Фуко, М. Хайдеггер, Ж. Деррида, Ж. Делёз и др. Это объясняется тем, что в учении Платона затрагиваются «вечные» вопросы о судьбе и предназначении философии в современном мире, смысле деятельности философа, о его идеалах и ценностях.

Согласно Платону, имя «философ» происходит от «философии», означающей стремление к мудрости души, обратившейся к умопостигаемому и истинно сущему в отличие от текучего, изменчивого, чувственного мира. В подлинном смысле Платон считает мудростью знание, свойственное душе, созерцающей мир вечных идей. Говоря о природе философов, Платон подчеркивает, что их страстно влечет к познанию, приоткрывающему вечно сущее и не изменяемое возникновением и уничтожением бытие, любовь к истине и прекрасному. Поэтому в диалоге «Пир» философ предстает как Эрот, которого влечет к красоте, знанию, мудрости. При этом подчеркивается, что любитель мудрости, или философ, стремится не к какому-то ее отдельному виду, но ко всей мудрости в целом. Согласно Платону, к философам относятся те, кто любит усматривать истину красоты самой по себе и радоваться ей. Именно это состояние мышления Платон считает подлинным знанием. Только тот, кто созерцает сами сущности вечно тождественными самим себе, уважает и любит то, что он познает, есть действительно любитель мудрости. Те же, кто, напротив, замечает и любит звуки, красивые цвета, но не допускает существования прекрасного самого по себе, есть только любители мнений.

По Платону, философ, обретший истину, должен передать ее другим людям с целью духовного освобождения человечества. Поэтому тому, кто добрался до вершины, проникнувшись идеей Добра и светом